

Александра Флид

Прошито насквозь.

Рим. 1990

Александра Флид

Прошито насквозь. Рим. 1990

«Издательские решения»

Флид А.

Прошито насквозь. Рим. 1990 / А. Флид — «Издательские решения»,

Обещания — только слова. Лишь поступки имеют настоящую ценность. Детская клятва, преодолевшая целые миры и скрепившая судьбы героев, станет основой для череды историй. Первая встреча происходит в Риме. Мужчина и женщина нашли и полюбили друг друга вновь. Что это? очередной страстный роман или настоящая любовь? Судьба потребует доказательств и жертв, и героям придется дорого заплатить за свою любовь. Это первая встреча Адама и Евы.

© Флид А.

© Издательские решения

Содержание

Клятва. 1900	6
Рим. 1990	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Прошито насквозь. Рим. 1990

Александра Флид

© Александра Флид, 2016

© Ольга Флид, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Клятва. 1900

– Мама эта девочка такая жуткая, я не хочу идти к ней, – хмурился черноволосый мальчик, стоявший у порога.

Женщина поправила на нем рубашку и отдала ему теплую шерстяную шапку.

– Нет выбора, дорогой. Ее мама должна задержаться здесь еще на несколько дней, и она уверена в том, что у малышки уже давно закончилась еда. Подумай о том, как ей, должно быть, страшно жить одной – она ведь еще совсем дитя, а уже сама вынуждена о себе заботиться.

– Никакое она не дитя, – возразил сын, тем не менее, послушно принимая шапку в свои руки. – Ей уже восемь лет.

Мать покачала головой:

– Тебе четырнадцать лет, и ты даже двух дней не можешь прожить один, а она гораздо младше тебя и постоянно находится в одиночестве.

Мальчик снял с крючка теплое пальто и неохотно натянул на себя, с трудом пропустив руки через рукава.

– Оно и видно, что она все время одна. Дикая, как лисица. – Он повернулся и открыл дверь. – А то, что я не могу прожить один и двух дней, тут не соглашусь. Просто меня никогда еще не оставляли в одиночестве больше чем на день.

Женщина покачала головой и ласково потрепала его по плечу:

– Иди, дорогой. Постарайся вернуться как можно быстрее.

Он только кивнул и вышел за порог. Она не торопилась закрыть дверь – ей хотелось посмотреть на него еще немного. Когда он уже миновал тропинку, которая вела к дому, и приблизился к забору, она крикнула ему вслед:

– Смотри, дорогой, не забывай, что ты совсем уже взрослый! Не обижай ее, Адам!

Он снова кивнул – на сей раз, не оборачиваясь – и поспешил удалиться.

Телега и лошадь уже ждали его. Мать и отец все приготовили – погрузили на соломенный настил мешок с картофелем и полмешка лука. Женщина, купившая у них все это, работала портнихой в их деревне. Сейчас, когда из господского дома пришел новый заказ, она сидела в своей комнатухе почти безвылазно. Намечался крупный праздник, и покидать деревню портникам запрещалось – нужно было, чтобы они всегда были под рукой, когда барышням вздумается взглянуть на свои наряды или примерить что-нибудь новое. Муж этой портнихи был егерем и умер два года назад, оставив ее вдовой с маленькой дочкой. Теперь они жили в его сторожке, поскольку для нового егеря поставили другую – в более доступном месте. И почему эта портниха не взяла с собой девочку? Кто же оставляет ребенка на такое время?

И теперь, пожалуйста – вези к ней эту проклятую картошку. Кто-то не сообразил вовремя, а ему отдуваться.

Он ворчал себе под нос, стараясь твердо править по протоптанной дороге и не сбиваться с хода. Путь лежал в гору, все дома и улицы уже остались позади, а его дорога не была пройдена даже наполовину. Темное небо нависало очень низко, и серые тучи покрывали все обозримое пространство. Вероятно, Господу не очень уютно сейчас находиться в таком небе.

Отсыревшая земля плохо укладывалась под колеса, и Адам несколько раз начинал всерьез опасаться, что не сможет довезти свой нехитрый груз до нужного места. Обычно, когда телегой правил отец, путь до старой хижины занимал всего два часа, но теперь, по плохой дороге и в полном одиночестве Адам потратил на него почти в два раза больше. Когда он добрался до сторожки, обед уже давно миновал.

Он спрыгнул на землю, отряхнулся и направился к двери. Здесь было очень тихо, и всякие телеги наверняка не очень часто заглядывали к порогу этого дома. Наверное, поэтому Ева

так быстро открыла дверь. А может, она действительно очень сильно ждала его приезда – если портниха была права, и у нее действительно закончилась еда.

– Я привез тебе все, что нужно, – сообщил Адам. – Твоя мама заплатила нам.

Девочка молча кивнула. Ее черные длинные волосы в беспорядке лежали на плечах, а серое платье и передник выглядели так, словно их не стирали добрую неделю.

– Где это нужно оставить? – продолжил он, не зная, что еще можно сказать.

Она отошла от двери и указала рукой внутрь. Очевидно, говорить с ним она не собиралась.

Адам кивнул и вернулся к телеге, чтобы взвалить мешок с картофелем себе на плечи. К его удивлению, Ева выбежала из дома и быстро вскарабкалась на телегу, чтобы помочь ему. При всей своей внешней хрупкости она не была бесполезной – она подтолкнула мешок и помогла ему устроить его на плечах. Потом она проворно спустилась и побежала к дому, чтобы придержать перед ним дверь. В доме она указала ему один из темных углов с заранее подготовленным местом – внизу были расстелены старые газеты, которые она расправила и уложила в несколько слоев. И все это молча, не говоря ни слова.

С луком он уже разбирался сам – Ева исчезла в доме. Поначалу он был слишком занят своим грузом, но потом ему все же стало интересно, чем она увлеклась и почему не вышла помочь ему во второй раз. Наверное, она поняла, что с более легкой ношей он справится и сам. Когда он вошел в дом и донес мешок до уже знакомого места, Ева подошла к нему и знаком пригласила к умывальнику, чтобы он мог помыть руки.

Она не была немой, и ему это было известно. Просто, привыкнув находиться в одиночестве, Ева редко растрчивала силы на слова – когда можно было обойтись жестами, она не утруждала себя разговорами. Адам часто слышал, как его соседи обсуждали ее странное поведение.

«И кто возьмет такую замуж, когда она станет старше? Так и проживет всю жизнь дикаркой», – говорили они.

Когда он почистил одежду и вымыл руки, Ева остановилась рядом с ним и, глядя на него большими черными глазами, сказала первые за все время слова:

– Хочешь чаю? Очень холодно.

Чаем в ее понимании были заваренные кипятком высушенные листики мяты, но он был рад и этому – от длительного пребывания на холоде и сырости, его пробрало до самых костей.

Она подвела его к маленькому камину и вручила чашку со сколотым краем. Плохая примета пить из разбитой посуды.

Начался дождь, и Адам с тоской подумал о том, что ему придется ехать на телеге обратно и мокнуть под дождем все это время. Ева напротив него вздрогнула, словно почувствовала или прочла его мысли. Она подняла голову, заправила черную прядь за ухо и тихо сказала:

– Ты можешь остаться здесь. Дождь должен скоро закончиться.

В своем широком платье, в тяжелых башмаках с дырками и с распущенными густыми волосами она выглядела как маленькая ведьма, и было бы прекрасно, если бы она действительно была ведьмой и умела предсказывать погоду. Однако она была еще слишком мала для того чтобы различать признаки погоды, а может быть, просто ошиблась. В любом случае дождь лил еще очень долго и только усиливался со временем. Адам, согласившийся переждать ливень, забеспокоился:

– А что если он не остановится?

Ева посмотрела на него очень серьезно, так, словно он был младше нее.

– Я постелю тебе на маминой кровати, – сказала она.

Это означало: «Если дождь все будет идти, тебе придется остаться здесь на ночь. Ничего страшного, я не боюсь спать рядом с незнакомым человеком и с радостью предложу тебе мамину кровать. Утром попробуешь поехать обратно, если дождь остановится».

– Но мои родители наверняка будут переживать, – возразил он.

Ева только пожала плечами.

Это, скорее всего, следовало понимать как: «Что поделать? Выбора все равно нет, придется тебе остаться. Но если хочешь уехать, уезжай и простывай, сколько тебе будет угодно».

– За одну ночь ничего не случится, как думаешь? – нерешительно спросил он.

Она покачала головой. Много ли она понимала? Все знали, что портниха не очень заботилась о своей дочери. Конечно, она всегда старалась накормить ее и одеть во что-нибудь сносное, но дальше этих простых обязанностей ее любовь не простиралась. Наверняка Ева не знала, как это бывает – когда родители беспокоятся о тебе, сидят возле твоей постели ночами напролет и меняют мокрые тряпочки у тебя на лбу, если ты болен и страдаешь от жара.

В покосившемся сарае молчала лошадь, которую Ева предварительно накормила остатками сена, заваливавшегося еще с лета. Наблюдая за ней, Адам отметил, что она очень ласкова с животными, но холодна с людьми. Удивляться, впрочем, нечему – с животными она проводила куда больше времени.

Ева долго сидела перед камином, следя за тем, чтобы огонь не погас и не ослаб. Ей было хорошо в этом доме, и Адам чувствовал, что она не боялась его.

Дождь не ослабевал. За окнами давно стемнело, а упрямое небо продолжало осыпать землю потоками холодной воды. Ева поднялась со своего места и медленно двинулась в сторону сложенных мешков.

– Нам нужно поесть, – неохотно сказала она.

Адам задумался о том, как она проводила время, когда рядом с ней никого не было. Она была очень худой и маленькой, и ему даже казалось, что она надумала ужинать только потому, что рядом с ней находился посторонний.

Со стороны Ева походила на уменьшившегося в размерах взрослого человека. Однако иногда ее движения были неловкими и как будто нерешительными. Она явно чувствовала его пристальный взгляд, и от этого смущалась еще больше. Ужин, по всей видимости, планировался очень простым – Ева решила испечь картофель в золе.

Шум дождя бил по оголенным нервам, и Адам сидел, ссутулившись и низко опустив голову. Ему хотелось поскорее вернуться домой, но даже если бы дождь прекратился, он все равно не смог бы отправиться в обратный путь, когда на дворе стояла непроглядная тьма.

Они молча ждали, когда испечется картофель, и не смотрели друг на друга. В этой отстраненности теплилось молчаливое соглашение, которое они заключили, даже не обмениваясь взглядами. Он знал, что ей будут неприятны разговоры, и она, в свою очередь, не посягала на его покой.

Утром, когда они проснулись, дождь все еще хлестал по земле.

Ева умылась, оставила ему немного чистой воды, а сама встала у двери и стала задумчиво глядеть вдаль.

– Дождь будет идти еще два или три дня. Дорогу размочит, – сказала она через несколько минут. – Ты должен остаться.

Адам кивнул и потянулся за слегка влажным полотенцем, не задумываясь о том, что всего несколько минут назад она сама вытирала им свое лицо.

– В городе все страшно расстроится, – сказал он. – Праздник будет испорчен. Вряд ли гости смогут добраться по такой грязи.

Ева пожала плечами:

– Никто не просил их устраивать праздники.

– И твоя мама еще не скоро вернется, – добавил он.

– Да, нескоро.

Казалось, ей было все равно. Он поднялся и подошел к ней, встав у другого косяка.

– О чем ты думаешь? – спросил он. – Скучаешь по маме?

Воспитанный в любви и не знавший ненависти, Адам был уверен в том, что Ева тосковала в одиночестве, хотя и не признавалась в этом. Глядя на нее в тусклом утреннем свете, больше походившем на густые сумерки, он подумал, что при всей своей мрачности она все еще маленькая девочка.

Ева зябко поежилась, но от двери не отошла, а только крепче завернулась в серый платок.

– Нет. Ей там лучше – там комната, еда и другие женщины. Она может с ними говорить, и ей не страшно. А твоя мама беспокоится.

– Моя мама, наверное, уже все поняла, – ответил он.

Вчера ему все казалось беспросветным и ужасным. Дождь положил конец его надеждам на возвращение, и он думал, что если не окажется дома к вечеру, то кто-нибудь обязательно умрет. Сегодня, пережив ночь вдали от родных стен и успокоившись, он уже иначе смотрел на вещи.

– Тебе страшно? – сам не зная, с чего, спросил он.

– Мне? – с легким удивлением уточнила она. – Нет.

– А мне немного жутко.

– Отчего? Дом на холме, вода отсюда стекает вниз, и у нас есть еда. Когда дождь перестанет и дорога подсохнет, ты уедешь домой.

Ее слова были справедливыми и спокойными, но Адама они не убедили. Если бы их произнесла взрослая женщина, он, наверное, отреагировал бы иначе, но из уст ребенка они звучали как-то уж очень странно.

– Я уеду, а ты останешься, – вздохнул он. – Разве ты не боишься быть одна?

Заночевав в этом брошенном доме, он понял, насколько неприятно было бы оказаться здесь в полном одиночестве. И если он, будучи намного старше Евы, испытывал нежелание задерживаться здесь, то ей, наверное, такая уединенность должна была опротивить до смерти.

– Где-то в другом мире я буду жить с кем-то, кого я стану любить всем сердцем, и мне всегда будет тепло, – вдруг сказала она. – Мой отец говорил, что этот мир не единственный. Где-то в других местах есть мы, но совсем другие. Там все по-другому. Иногда я думаю о том, что там мой папа не умер, а остался с нами, и радуюсь на нас. За тех нас.

Эти ее слова были не совсем понятными, но Адам честно слушал ее. Когда она остановилась, он сразу же поинтересовался:

– А сколько всего этих миров?

Она вздрогнула, словно и не ожидала, что он так внимательно станет ее слушать, и даже задаст вопрос.

– Никто не знает. Но я знаю точно, что там все по-другому.

– И никак нельзя узнать, что с нами происходит в тех мирах?

– Никак. Отец говорил, что если начать путешествовать между мирами, то можно запутаться или сделать самого себя несчастным.

Адам уже понял, что все эти рассказы про миры были лишь сказками для грустной маленькой девочки. Они были лишь выдумкой любящего отца, пытавшегося утешить своего единственного ребенка.

– Их, должно быть, очень много, – предположил он, поддерживая эту сладкую иллюзию. Ева серьезно кивнула:

– Да. Их больше, чем мы можем представить.

– И в одном из них все мы обязательно счастливы, – добавил он.

На ее лице мелькнула робкая улыбка, которая сразу же растворилась в сероватом утреннем свете.

Завтрак, обед и ужин состояли только из картошки и лука. Ева умела варить, парить и печь их в самых разных вариациях, и Адам каждый раз удивлялся тому, как много она освоила за свою недолгую жизнь. Наверное, за прошедшие часы она привыкла к его присутствию – по крайней мере, ее движения больше не были скованными или нарочито резкими.

Сырость пробралась в дом – за деревянным порогом образовалась небольшая лужа, да и крыша кое-где начала пропускать воду. Ева не обращала на это особого внимания, и на все его вопросы отвечала, что при таком сильном дожде это не удивительно. Все пройдет и высохнет само собой. Детская легкомысленность выглядела для него просто дико – он отлично знал, что если не следить за крышей, то дырки в кровле обязательно прорежутся шире, и со временем вода будет заливаться внутрь даже при слабом дожде.

– Нельзя жить в сырости, – назидательно говорил он.

– Стану больше и обязательно сама почию крышу, – отвечала она.

Про себя Адам уже решил, что когда дождь закончится, он сам выберется на крышу и посмотрит, что там можно сделать. Латать небольшие дыры при помощи молотка и листов старой жести он умел – работал вместе с отцом, когда они занимались своим домом.

Благие намерения так и остались всего лишь добрыми планами – грохот со стороны сарая, раздавшийся поздним вечером, когда дождь еще шел, разрушил все цепочки мыслей и их странное перемирие.

Крыша сарая не выдержала и обрушилась прямо на лошадь. Бедное животное испугалось и вырвалось на дорожку, но заскользило копытами и не удержалось. Услышав шум, Ева и Адам бросились прочь из дома, не разбирая дороги. Фонарь, который слабо освещал пространство в пять шагов, остался на пороге. Страх гнал детей вперед, несмотря на мрак и холод, и они бежали, не зная, что будут делать, когда доберутся до лошади.

Что было дальше, Адам не запомнил – в память врезались лишь отдельные картинки. Ева подавала ему веревку несколько раз – наверное, он ронял ее в грязь. Лошадь била копытами и металась в скользкой жиже. Она была перепугана, и Адаму казалось, что она не сможет пережить эту ночь, но еще больше он боялся за Еву – ловкая и гибкая девчонка сновала вокруг него, оказываясь в нужных местах и в нужное время. Ей удавалось подхватывать его под локоть, подпирать его спину и тянуть за конец веревки, если ему не хватало сил. Потом он вспомнил, что они вместе вязали петлю, не сговариваясь в движениях и страшно волнуясь. Их холодные пальцы скользили по промокнувшей пеньке, ногти обламывались в кровь и стирались до болезненных ранок.

Все это удалось вспомнить лишь позже, когда лошадь была спасена – какими-то нечеловеческими усилиями им удалось заставить ее подняться и пройти в дом. Теперь они оба – грязные и замерзшие – сидели у камина.

Поначалу он был слишком занят собой, но после обратил внимание на Еву. Она дрожала. Ее тело было объято дрожью от кончиков пальцев до макушки, но она молча жалась к теплой стене и старалась согреться сама.

– Днем ты говорила о том, что тебе рассказывал твой отец, – начал Адам, стараясь не особо стучать зубами. Получалось плохо.

Ева подняла глаза и удивленно уставилась на него.

– Ну и?

– Хочешь услышать, что говорил мне мой? – с трудом пересилив очередной приступ дрожи, продолжил он.

Она кивнула.

Адам крепче сжал себя руками и отвернулся к огню, потому что говорить такие вещи, глядя в ее любопытные глаза, было неудобно.

– Он говорил, что если холодно, нужно обняться. Так скорее согреешься.

– Это когда огня нет, – возразила она.

Он хотел ответить сразу же, но пришлось немного подождать, чтобы справиться со стучащими зубами.

– У нас сейчас есть огонь, а толку? Тебе жалко что ли?

Ответа не последовало, и когда он повернулся к ней, чтобы понять, слышала она его или нет, наткнулся на ее задумчивый взгляд. Она явно сомневалась.

– Ева, – он впервые назвал ее по имени, когда они просто говорили между собой – тебе тоже очень холодно. Это ведь не только мне нужно.

Подумав еще немного, Ева решилась.

– Ладно, – великодушно согласилась она.

Они расстелили на полу толстое старое одеяло и уселись прямо перед камином.

Ева прижалась к его груди и затихла. Ее тело оказалось холоднее, чем он мог подумать, и Адам решил, что должен обнять ее. Так было правильно. Ее взгляд был устремлен на огонь, и она выглядела так, словно ей было все равно, что происходит. С черных волос уже перестало капать, но одежда оставалась сырой и неприятно грубой. По-хорошему следовало бы раздеться, но он не мог ее об этом попросить.

Если бы она была младше или на ее месте был кто-то другой, Адам не задумываясь скинул бы с себя рубашку, но Ева казалась гораздо старше своих лет, и к ней нельзя было подходить как к обычной восьмилетней девочке.

– Расскажи мне что-нибудь еще, – попросил он, чтобы хоть чем-то занять себя и ее.

Она задумалась. Лошадь, стоявшая у задней стены, всхрапнула, и Ева улыбнулась. Он не видел ее лица, но знал, что это так.

– В тех мирах все бывает наоборот, но если мы там появляемся, то остаемся такими же, как сейчас. Мы там совсем от себя не отличаемся.

– Значит, там мы выглядим так же, как и сейчас?

– Да, наверное. А может быть, это касается того, что у нас внутри. Отец обещал рассказать, но не успел.

– Не переживай. Все равно ты знаешь гораздо больше, чем другие. Я вообще никогда ничего о других мирах не слышал, – признался он, чтобы ободрить ее.

– Ты добрый, Адам, – вдруг сказала она, и в ее голосе вновь зазвенела улыбка. Она улыбалась довольно часто, если думала, что ее никто не застанет за этим делом.

Девочка, которая любит лошадей, умеет варить вкусную еду из скудных запасов и не боится выбежать в ночь под проливной дождь обязательно должна уметь улыбаться.

– Да ну, – смутился он. – Просто ты еще маленькая.

Ее острые локти и угловатые плечи, ее холодные руки и промокшие волосы уже не казались такими неловкими и эфемерными. Он сжал ее чуть крепче, ощущая, что маленькое тело в его руках уже начало согреваться.

– Твоя мама будет очень ругаться, если лошадь испортит пол в доме?

Она качнула головой:

– Нет. Она не рассердится – я все уберу до ее возвращения, и она ничего не узнает.

Адам зажмурился. Эта мама не узнает, что ее храбрая маленькая дочь бросилась навстречу темноте и ледяному дождю, чтобы спасти испуганное животное. Она не будет ею гордиться и никогда не похвалит за это. Если бы у него была маленькая сестренка, которая отважилась бы на такой поступок, то его родители просто воспарили бы над землей от гордости. Но Ева не собиралась ничего рассказывать своей матери, и ее подвиг был обречен на забвение. Да и считала ли она это подвигом?

Утром он ощутил боль в правом колене. Сустав распух и покраснел. Наверное, он повредил его еще ночью, но тогда страх, холод и суета не позволили ему отвлечься. Он осторожно

закатал грязную брючину и осмотрел ногу. Ева подползла ближе и осторожно прикоснулась к его колену самыми кончиками пальцев.

– Это очень больно, – уверенно сказала она. – Тебя должны посмотреть.

– Да куда же мы пойдем в такой дождь? – улыбнулся он.

Она ничего не ответила и молча отправилась готовить завтрак. Наблюдая за ней, Адам заметил, что и она стала какой-то вялой. Ее движения были медленными, будто что-то невидимое сдерживало ее, сковывая по рукам и ногам.

К вечеру она совсем слегла, и Адам испугался.

Они были слишком грязными, чтобы ложиться на кровать, и у них закончилась вода, а сходить за ней было некому. Дождь ослаб, и теперь падал редкими каплями за порогом. Лужа на полу стала впитываться в землянистую поверхность. Лошадь молчала в своем углу.

Ева лежала на расстеленном еще вчера одеяле и смотрела на огонь. Адам сидел рядом с ней, глядел на ее покрасневшие щеки, и ему становилось все страшнее.

– Ты вся горишь, – тронув ее лицо согнутыми пальцами, сказал он. – Скажи, что мне сделать? Как помочь тебе?

Она перевела на него взгляд и слабо улыбнулась:

– Ничего не надо. Лежи, у тебя нога болит.

От бессилия хотелось плакать. Будь его воля, он бы на своих руках принес ее к дверям дома, где жил деревенский доктор, но он был слишком слаб, а дорога все еще пугала своей расхлябанностью и глинистыми разводами. Спасенная лошадь уже не казалась такой дорогой и прекрасной.

– Прости меня, – укладываясь рядом с ней, прошептал он. – Прости, Ева. Это все из-за моей лошади. Если бы не она, ты бы была здорова.

Она ласково коснулась его щеки – вернула его осторожное прикосновение – и сказала:

– И твоя нога бы тоже не болела, если бы не она. Завтра она отвезет нас в деревню. За вечер земля немного схватится, дай бог, чтобы телега проехала, а не то мы застрянем и умрем в дороге.

После этого она отвернулась и закрыла глаза.

Так страшно ему не было никогда. Он помог ей взобраться на телегу, и Ева улеглась на еще не подсохшее сено, а сверху он прикрыл ее тонким, проеденным молью одеялом. Хромая на правую ногу, но позабыв о своей боли, Адам неловко, как умел, запряг лошадь и пустился в обратную дорогу.

Телега страшно тряслась, и мягкая земля с трудом пропускала даже такие крупные колеса. Копыта лошади тяжело и неприятно чавкали по грязи, а он сидел и обливался потом, боясь взглянуть назад, туда, где лежала бледная и слабая, изменившаяся до неузнаваемости девочка. Голубоватый мертвенный оттенок странно оттенял яркий нездоровый румянец, кричавший о том, что Ева до сих пор страдала от жара.

Кошмарная дорога стелилась неровным полотном и кое-где больше походила на болото, но Адам не сдавался, всеми силами подгоняя лошадь. Несколько раз ему приходилось сходить на землю и тянуть ее под уздцы, поскольку она не хотела идти вперед. В другое время он, наверное, предпочел бы вернуться или остановиться, но теперь, бросая мимолетные взгляд на рассыпавшиеся по грязно-серому селу черные волосы, он ощущал, как раскаленные иглы впиваются в его тело, заставляя двигаться дальше.

Вскоре показались знакомые деревья, за которыми, как он знал, дорога поворачивала налево – там начинался вымощенный участок, по которому они должны были проехать без трудностей. Он приложил все силы, чтобы дотянуть до него, а потом упал в телегу рядом с Евой и доверился памяти лошади, которой эта часть пути была отлично знакома. Впрочем, они никак не смогли бы заблудиться – дорога шла сама собой, без поворотов и развилок.

– Ева, – осторожно позвал ее он. – Ева, ты слышишь меня?

Она медленно открыла глаза. Ее взгляд был подернут пеленой слабости, пугавшей его до самого костного мозга.

– Да, – одними губами ответила она.

– Осталось совсем немного. Еще чуть-чуть. Мы скоро приедем домой.

– Да, – повторила она.

– Доктор тебя осмотрит и даст тебе лекарство. Ты больше не будешь болеть, обещаю.

Она горько улыбнулась – уголки ее губ слегка дрогнули, а между бровями прорезалась острая складка.

– Никогда?

Адам рассмеялся, чувствуя, как растет комок в горле.

– Нет, но очень долго.

Ее глаза вновь закрылись, и она погрузилась в молчание.

Уже возле дома, почти теряя сознание от слабости и волнения, Адам спрыгнул на землю, позабыв о поврежденном колене. Он упал возле копыт лошади и закричал от боли, пронзившей ногу насквозь. Его мать выбежала из дома и сразу же устремилась к нему, но он поднял голову и указал на телегу:

– Там Ева. Ей очень плохо.

Врач закрыл за собой дверь, остановился и снял очки.

Пляшущее пламя свечи раскрашивало лица уродливыми тенями, и вновь хлынувший дождь барабанил по крыше. Лицо Адама застыло гипсовой маской в ожидании вестей от девочки, лежавшей за одной тонкой стеной. Близко и недостижимо.

– Парень, ты бы поспал, – вздохнул доктор.

Его вздох был слишком тяжелым, чтобы замаскировать истину, скрытую за его спиной. Адам подошел ближе и поднес свечу к своему лицу.

– Что с ней? Ей лучше? – в безумной надежде спросил он, глядя на доктора широко распахнутыми и совсем еще детскими глазами.

Все, что смог сделать врач – покачать головой. Адам отступил на шаг, и заменявшее подсвечник блюдце опасно накренилось в его руках.

– Что же нам делать?

– Молиться, сынок. Молиться.

– Да кому же? – в отчаянии спросил Адам. – Кому?

– Тому, в кого веришь, – уклончиво ответил доктор.

– Можно мне к ней?

Доктор знал, что ей осталось совсем немного, и ему не хотелось, чтобы парень, которому нет еще и пятнадцати, стал свидетелем чьей-то смерти. Слишком молод он был для того, чтобы следить за тем, как душа отлетает от тела. Но в глазах паренька плескалось и бушевало целое море горечи и тоски, и доктор решил, что уж лучше позволить ему перебраться с малышкой парой слов.

– Иди. Но недолго – я вернусь с ее матерью, и они должны попрощаться.

Коротко кивнув, Адам поставил свечу на пол и заковылял к двери.

Она лежала на узкой кровати, совершенно потерявшись под одеялом. Худое тело исчезло под толстым покровом, который не мог согреть ее. Никто и ничто больше не могло бы поделиться с ней теплом. Ее собственный огонек тихо дотлевал, перед тем как погаснуть и исчезнуть без следа.

Адам опустился перед ней на колени, осторожно придерживая рукой больное колено. Черные мокрые ресницы дрогнули, и Ева открыла глаза.

– Адам, – выдохнула она.

– Ева, – ответил он. – Помнишь о мирах? Где-то там есть другая жизнь. Я найду тебя там, обещаю. Ты не останешься одна, я клянусь, что отыщу тебя там, и мы обязательно будем счастливы.

У нее не было сил улыбаться, но в ее глазах на мгновение зажглась радость.

– Ты меня не узнаешь.

– Я всегда узнаю тебя, – заверил ее он. – Клянусь тебе. Каждый раз, рождаясь в одном из миров, жди там меня, Ева. Мы обязательно встретимся, и там все будет лучше, чем здесь.

Этот их маленький секрет о мирах и возможностях остался между ними – когда пришла мать Евы, малышка уже испустила дух. Скорчившийся на полу у кровати Адам беззвучно всхлипывал, и прибежавшие на зов взрослые не могли понять причину его горя. Мог ли он настолько сродниться с нелюдистой Евой всего за несколько дней, чтобы так оплакивать ее смерть?

Рим. 1990

Ева в очередной раз поправила штатив, не понимая, что еще нужно сделать, чтобы камера обрела устойчивость. Идеально гладкий с виду пол на деле был волнистым и неровным, в результате чего треножник вечно кренился, а если рядом начинал топтать кто-то тяжеловесный и нервный, то он еще и шатался. Она поправила вязаную кофту с растянутыми манжетами – за работой она любила поднимать рукава наверх, собирая их складками, а не скатывать валиками.

Одноразовая сделка с трикотажными магнатами итальянского мира была выгодной и даже удачной, но ей хотелось поскорее добраться до дома и растянуться под теплым одеялом. С утра ее немного знобило, и дождливая погода не прибавляла бодрости. Сроки есть сроки – пара таблеток и горячий чай подарили ей несколько часов сносного самочувствия.

К ней подбежал ассистент – на сей раз это был кудрявый мальчишка с роскошными бровями и длинноватым носом. Его голос звучал очень приятно.

– Модель будет немного необычная, – предупредил ее он, прежде чем подобрать со стола разложенные папки и убежать, поправляя на ходу свой жуткий аляповатый галстук. Может это и модно, но выглядит не очень.

Ева поморщилась, остановила одну из девочек, тершихся неподалеку, и попросила ее принести горячего кофе. Кто-то говорил, что аспирин не сочетается с кофеином? Кто же это говорил? А вот с утра оздоровительная программа с серьезной тетенькой наоборот известила о том, что аспирин даже становится сильнее, если его запить кофе. Так что в любом случае нужно быть осторожной.

Девчонка вернулась через десять минут – кафе находилось на первом этаже этого же дома, вся беготня заняла гораздо меньше времени, чем можно было ожидать. Ева поблагодарила ее и отпустила. Отбегая, девчонка тоже сочла своим долгом известить ее:

– У нас сегодня необычная модель, знаете?

Ее черные волосы искрились в свете люминесцентных ламп, и Ева загляделась на эти блики. Как бы исхитриться передать однажды вот такую игру света? Почему-то на глянцевых обложках все это выглядело так, словно девицам пришили кукольные волосы – вроде синтетической шевелюры дешевой Барби из пластиковой упаковки. Натуральный блеск волос, который так щедро обещали все рекламы шампуней, нисколько не выглядел натуральным на этих самых рекламных плакатах. И какие идиотки покупают такие шампуни?

У нее тоже были черные волосы, но Ева никогда не считала их красивыми. Да и вообще ее сложно было назвать привлекательной – окружающие ценили ее исключительно за профессиональные качества. Их величество трикотажная династия обратились к ней только чтобы она сделала хорошую фотосессию. И в том же ключе к ней обращались все остальные. Как женщина и обычный человек Ева мало кого интересовала.

– Вы так сильно любите кофе? Пьете его даже по утрам, – раздался голос прямо за ее спиной.

Она вздрогнула и повернулась. Должно быть, это и есть модель.

Высокий мужчина с улыбкой протянул ей руку, и она ответила на жест, но профессиональным глазом определила, что трость ему нужна не только как стильный ретро-аксессуар. Он не красовался, а опирался на трость. Уже совсем другое дело.

– Только горячий, – ответила она, а потом сделала очередной маленький глоток. – И только когда идет такой противный дождь. Хотя когда же его пить, если не с утра пораньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.